

Лекция
Литература 1-ой половины XVII века
План лекций

- 1. Общественно-политическая обстановка на Руси в первой половине XVII века и развитие русской литературы.**
- 2. «Смутное время» и его отражение в литературе.**
  - а) Повести о «смутном времени» («Новая повесть о преславном Российском царстве», «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»);**
  - б) «Повесть о смерти и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского»;**
  - в) «Сказание» Авраамия Палицына;**
  - г) «Летописная книга», приписываемая И.М. Катыреву-Ростовскому.**
- 3. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».**
- 4. «Повесть о Юлиании Лазаревской», написанная ее сыном Дружиной Осорьиним.**
- 5. Книжное стихотворство начала XVII века. Досиллабические вирши.**

1. Общественно-политическая обстановка на Руси в первой половине XVII века и развитие русской литературы.

Конец XVI – начало XVII века в истории Руси ознаменовались бурными историческими событиями:

- появлением самозванцев, сменой на русском престоле нескольких правителей (Борис Годунов и его сын Федор, Лжедмитрий, Василий Шуйский, Михаил Романов);
- первой крестьянской войной под предводительством И. Болотникова;
- борьбой русского народа с польскими и шведскими интервентами.

События начала XVII века (прежде всего – 1604 – 1613 годов) получают у современников название «смутное время». Рассматривая эти события более детально, следует вспомнить целый ряд дат, указывающих на перемены, происходящие в общественной жизни России и оказавших влияние развития ее литературы:

- 1598 – 1605 годы – правление Бориса Годунова;
- 1601–1602 годы – великий голод на Руси;
- 1604 год – появление в Польше «царевича» Дмитрия, начало его похода на Россию;
- апрель – май 1605 года – смерть Бориса Годунова, убийство боярами его сына Федора;
- июль 1605 года – май 1606 года – царствование Лжедмитрия I;
- 1606 год – коронация «боярского царя» Василия Шуйского;
- 1606 – 1607 годы – восстание под предводительством Ивана Болотникова, двухмесячная осада восставшими Москвы;
- 1607 – 1608 годы – появление Лжедмитрия II, выступившего при поддержке поляков, его приход под Москву, образование Тушинского лагеря;
- 1608 – 1610 годы – осада Троице-Сергиева монастыря войсками польских интервентов;
- 1609 год – начало открытой польской интервенции, захват поляками северных и северо-западных русских земель. Осада Смоленска. Попытка шведов овладеть Псковом и Новгородом;
- 1609 год – поход Михаила Скопина-Шуйского и шведского полководца Якова Делагарди. Освобождение Твери, снятие осады Троице-Сергиевой лавры;
- март 1610 года – вступление Скопина-Шуйского и Делагарди в Москву;
- апрель 1610 года – смерть Михаила Скопина-Шуйского;
- июль 1610 года – свержение царя Василия Шуйского и пострижение его в монахи;
- 1610 – 1613 годы – правление семи бояр («семибоярщина»), призывание на русский престол польского королевича Владислава, вступление поляков в Москву;
- 1611 год – начало шведской интервенции, захват Новгорода. Взятие поляками Смоленска;
- весна 1611 года – создание первого русского ополчения;
- осень 1611 года – осень 1612 года – осада вторым ополчением Москвы, освобождение ее от поляков;
- 1613 год – созыв Земского собора для избрания царя, коронация Михаила Романова;
- 1613 – 1645 годы – правление Михаила Романова;
- 1617–1618 годы – заключение перемирия с Польшей и Швецией;
- 1637–1642 годы – захват казаками турецкой крепости Азов («азовское сидение»);
- 1645 год – начало правления Алексея Михайловича Романова.

Время Смуты затронуло все стороны русской жизни – экономику, внутреннюю и внешнюю политику, идеологию и нравственность. Причинами смуты стали:

- обострение социальных отношений (усиление эксплуатации народа, введение государственной системы крепостного права, которое создало базу для массовых народных выступлений);

- династический кризис, связанный с прекращением династии Рюриковичей.

В конце XVI века разразился тяжелейший экономический кризис, который получил название «порука 70 – 80-х годов». В стране начался голод; более 50% пашен (местами около 90%) оставались неразработанными. Правительство в этих условиях пошло по пути закрепления основных производителей – крестьянин – к землям феодалов-землевладельцев. На протяжении 90-х годов XVI века был принят ряд постановлений, приведших на практике к закрепощению народных масс.

Фактически в России устанавливается в государственном масштабе система крепостного права. Ее введение приводит к все более усиливающейся эксплуатации крестьянства, доведенного до крайнего экономического оскудения, и, как следствие этого, – к резкому обострению классовых противоречий, которое создает почву для массовых народных выступлений, особо усилившихся во время ужасающего голода 1601–1603 годов.

Тяжесть положения крестьянства увеличивалась обострившейся после смерти Грозного борьбой крупных феодалов-бояр со служилым дворянством – средними и мелкими землевладельцами, оказавшимися в конце концов в этой борьбе победителями. Но победа дворянства, в той или иной мере смыкавшегося с купечеством, лишь углубляла экономический кризис крестьянства, на дальнейшем обнищании которого зиждилось благополучие победителей. Спасаясь от голода и крепостной кабалы, крестьяне массами бежали в леса, на южные окраины государства, часто переходя даже московский рубеж и организуясь на новых местах в вольное казачество. Этот недовольный московскими порядками люд оказал деятельную поддержку самозванцам, выдававшим себя то за якобы спасенного сына Ивана Грозного Дмитрия, то за несуществовавшего сына Федора Ивановича Петра и бывшими на самом деле авантюристами, часто – ставленниками польского панства. Они использовали недовольство восставших народных масс в своих целях, но обманули народ и оставили по себе недобрую память.

В 1602 году в Литве объявился человек, выдававший себя за царевича Дмитрия (согласно официальной версии – монах Григорий, в миру – мелкий дворянин Юрий Богданович Отрепьев). Историк Ключевский В.О. справедливо писал, что Лжедмитрий был «испечен в польской печи, а закован в Москве». В 1604 году с помощью польских магнатов он предпринял поход на Москву; его поддержали многие бояре и дворяне, недовольные политикой Годунова. Неожиданная смерть Годунова помогла самозванцу; 16-летний сын Годунова Федор и его мать были убиты боярами. Лжедмитрий оказался на российском престоле, где находился до 1606 года. Продолжение крепостнической политики, новые поборы с целью добыть обещанные польским магнатам средства, недовольство русской знати привели к организации боярского заговора. Самозванец был убит, и на престоле оказался боярский царь Василий Шуйский (1606 – 1610).

Шуйскому удалось укрепиться в столице, однако окраины страны продолжали бурлить. Политический конфликт перерос в социальный: народ, окончательно потеряв веру в доброго царя, выступил против властей. Крестьянская масса выдвигает такого энергичного вождя, каким был беглый холоп Иван Болотников, в 1606 году появившийся у стен Москвы.

В то время, когда Василий Шуйский осаждал отступившего от Москвы Болотникова в Туле, объявился новый самозванец. По согласованию с Ватиканом польские шляхтичи, противники короля Сигизмунда III, объединились с казацким атаманом Заруцким И., выдвинули на русский престол Лжедмитрия II (1607 – 1610). Лжедмитрий II в ответ на призыв Болотникова двинулся к Туле на воссоединение с восставшими. Соединения не произошло (Тула была взята войсками Шуйского), и в январе 1608 года самозванец предпринял поход на столицу. Летом 1608 года Лжедмитрий подошел к Москве, но попытки взять столицу закончились безрезультатно. Он остановился в Тушине в 17 километрах от Москвы, за что и получил прозвище «Тушинский вор».

Лжедмитрий был послушной марионеткой в руках польских шляхтичей, которые сумели взять под контроль северо-запад и север русских земель. Доблестно в течение 16 месяцев сражались защитники Троице-Сергиева монастыря, в обороне которого значительную роль сыграло окрестное население. Выступление против польских захватчиков произошло в ряде крупных городов: Новгороде, Вологде, Великом Устюге.

В то время как Лжедмитрий II в течение 21 месяца безуспешно осаждал Москву, русское правительство заключило союз со Швецией, которая дала войска для борьбы с самозванцем. Под командованием талантливого полководца М.В.Скопина-Шуйского, племянника царя, и шведа Якова Делагарди, войска начали действия против польских захватчиков. В ответ Речь Посполитая, состоявшая в войне со Швецией, объявила войну России. Войска короля Сигизмунда III осенью 1609 года осадили Смоленск, который оборонялся более 20 месяцев. Лжедмитрий был более не нужен полякам, перешедшим к открытой интервенции. Покинутый своими недавними союзниками, самозванец бежал в Калугу, где вскоре был убит.

В апреле 1610 года при загадочных обстоятельствах умер Скопин-Шуйский. Согласно народной молве, он был отравлен.

Летом 1610 года, оставив в тылу борющийся Смоленск, польская армия двинулась на Москву. Русские войска под командованием брата царя, бездарного Дмитрия Шуйского, потерпели поражение. Путь на Москву был открыт. Шведы, которые более помышляли о захвате Новгорода и других русских земель, покинули армию Шуйского и стали грабить северо-западные русские земли.

Летом 1610 года в Москве произошел переворот: бояре свергли Шуйского с престола и насильно постригли в монахи. Власть захватила группа бояр («семибоярщина»). Несмотря на протесты патриарха Гермогена бояре призвали на русский престол польского королевича Владислава, сына Сигизмунда, и впустили войска интервентов в Кремль. Над страной нависла угроза потери независимости.

Сохранить независимость Русского государства можно было, только опираясь на народ. В 1610 году патриарх Гермоген призвал к борьбе против захватчиков, за что и был арестован. В начале 1611 года было создано первое ополчение, которое возглавил дворянин Прокопий Ляпунов. Ополчение двинулось на Москву, где вспыхнуло восстание.

Действия первого ополчения оказались неудачными. Интервенты по совету предателей-бояр подожгли Москву. Князь Дмитрий Пожарский был тяжело ранен, Ляпунов убит казаками, ополчение распалось. К этому времени шведы захватили Новгород, а поляки многомесячной осады овладели Смоленском. Польский король Сигизмунд объявил, что станет русским правителем, а Русь войдет в состав Речи Посполитой.

Осенью 1611 года было создано второе ополчение, которое возглавили староста Нижнего Новгорода Козьма Минин и князь Пожарский. В 1612 году Москва была освобождена. Победа была одержана в результате героических усилий русского народа.

Благодарная Россия первый скульптурный памятник в Москве воздвигла Минину и Пожарскому (Красная площадь, скульптор Мартос И.П., 1818 год).

В 1613 году в Москве состоялся Земский собор, на котором русским царем был избран Михаил Романов, внучатый племянник первой жены Ивана Грозного Анастасии.

События конца XVI — начала XVII в. сильно расшатали экономическую систему Русского государства и вместе с тем стройную законченность устоявшейся московской идеологии. Победа помещичьего класса и активизация посада и крестьянства, явившиеся итогом «смуты», в очень большой степени способствовали «обмирщению» русской культуры.

Прекращение существования многовековой династии Рюриковичей, появление самозванцев, постоянная на смену на русском престоле правителей, подтачивая самые основы устоявшихся традиция, в значительной степени способствовали постепенному отмиранию того, на чем держалась старина. Церковь, так же как и светская власть, потрясенная Смутой и пытавшаяся по окончании ее завоевать себе независимые позиции, после напряженного сопротивления подчиняется сломившей её силе государства.

Старая традиция, однако, очищает место для новой не без борьбы, и на всем протяжении века эта борьба, или в иных случаях взаимодействие и сосуществование традиции и новизны, обнаруживается еще очень явственно. Так, например, в области исторической литературы в первые же годы XVII века наблюдается очень существенный сдвиг. На смену Хронографа 1512 года является новая, вторая редакция Хронографа, относящаяся к 1617 году. Положив в ее основу старый Хронограф, составитель нового пополнил его сведениями из западноевропейской истории, почерпнутыми из переведенных незадолго до этого с польского на русский язык хроник Конрада Ликостена, Стрыйковского, Мартина Вельского. Тем же материалом воспользовался и составитель третьей редакции Хронографа (1620 год). Уже одно то обстоятельство, что история Запада получает здесь как бы равноправное место с историей библейской и византийской, достаточно показательно как свидетельство осознания в начале XVII века той роли, какую Запад играл в мировом

историческом процессе. С целью чисто литературного обновления материала некоторые статьи Хронографа первой редакции здесь заменяются новыми переводами с новых обработок ранее уже переводившихся на Руси произведений. Так, например, старый перевод «Троянской истории» заменяется позднейшим, сделанным с латинской обработки Гвидо де Колумна, написанной в стиле рыцарских повестей и художественно украшенной.

Давая характеристику литературы I – ой половины XVII века, можно указать на следующие ее особенности:

– в литературе, прежде всего, находят отражение события «смутного времени», оказавшие серьезное воздействие на мировосприятие широких масс. Произведения приобретают ярко выраженный публицистический характер, становятся откликом на все происходящее в стране;

– в связи с усилением роли городов появляется новый демократический читатель, создаются произведения, отвечающие его запросам;

– изменения в первую очередь касаются традиционных жанров, продолжающих занимать в жанровой системе древнерусской литературы ведущее место. Демократизируется такой жанр как историческая повесть, в которой запечатлеваются те изменения, которые постепенно происходят в сознании читателей позднего средневековья;

– осмысливая произошедшие события, авторы исторических произведений (повести «смутного времени», «Повесть об Азовском осаждении донских казаков») подчеркивают роль народных масс; героями произведений наряду с известными государственными деятелями становятся люди незнатного происхождения. Исторические факты постепенно вытесняются художественным вымыслом, все большую роль в повествовании начинает играть занимательный сюжет. Усиленное внимание к частной жизни людей, характерное для литературы в целом, приводит к тому, что в исторические произведения включаются бытовые картины;

– «Повесть о преставлении и погребении Скопина-Шуйского» и «Повесть об Азовском осаждении донских казаков» свидетельствуют о том, что литература по-прежнему остается тесно связанной с фольклором. Более того – в результате участия в создании произведений демократических, преимущественно посадских слоев, народная поэзия проникает в литературу значительно активнее, чем в предшествующий период;

– изменения, происходящие в литературе, затрагивают не только светские, но и духовные жанры. Жития все более наполняются реальным биографическим материалом, в них можно наблюдать характерные особенности повествовательного жанра и семейной хроники. Героями агиографических произведений становятся люди, святость которых проявляется в реальной бытовой обстановке («Повесть о Юлиании Лазаревской»);

– наряду с этическими жанрами, существовавшими на протяжении многих столетий, начинает развиваться стихотворство, представленное досилабическими и силлабическими виршами.

2. «Смутное время» и его отражение в литературе.

а) Повести о «смутном времени» («Новая повесть о преславном Российском царстве», «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»).

Глубокие социальные сдвиги, бывшие результатом событий «смутного времени» сильно расшатали стройную и пышную идеологию «богоспасаемого третьего Рима», которую на протяжении XV и XVI веков создала официальная Москва и которая к середине XVI века мыслилась уже окончательно закрепленной и не подлежащей никакой критике, тем более отмене. Грандиозное здание, возводившееся с такой уверенностью, оказалось поколебленным. И вполне естественно, что политический и сопровождавший его идейный кризис не мог не вызвать интенсивного литературного отклика, нашедшего свое выражение в многочисленных произведениях, пытавшихся изложить и осмыслить столь серьезные исторические события. Подобные произведения возникали не только в Москве, но и в Новгороде, Владимире, Нижнем Новгороде и в других местах.

Отклики крестьянской массы на события «Смутного времени» нашли свое выражение в песнях и былинах. В них с большим сочувствием говорится о Ксении Годуновой, о народном герое князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, о Минине и Пожарском и с ненавистью – о «собаке-воре» самозванце «Гришке-расстрижке», о Марине Мнишек – «девке Маринке, злой еретице», о «поляках злых» и польском короле Сигизмунде, о «злых собаках» – боярах «кособрюхих». С одной стороны, Скопин-Шуйский становится героем былин Владимирова цикла, с другой – любимый герой былинного эпоса Илья Муромец наделяется чертами, подсказанными эпохой: он зовется «старым казаком», подчас «донским казаком», стоит на стороне бунтующей

«голытьбы» и выступает против Владимира. На место старых врагов Русской земли – татар – теперь становятся поляки, именуемые «литвой поганой».

В сохранившихся письменных памятниках «смутного времени» оппозиционные народные взгляды практически не отразились. Произведения, вышедшие из крестьянских слоев, естественно, преследовались и уничтожались правительственной цензурой. Правительственные грамоты упоминают о «листах», вышедших из лагеря Болотникова в селе Коломенском. Так, в грамоте патриарха Гермогена 1606 года читаем о прокламациях Болотникова: *«Пишут Москве проклятые свои листы и велят боярским холопам побивати своих бояр и жены их, и вотчины и поместья им сулят... и хотят им давати боярство, и воеводство, и околичество, и дьячество...»*.

В повестях, сказаниях, житиях, связанных с эпохой и написанных частью в разгар событий, частью в ближайшие два десятилетия после них, нашли свое отражение, с одной стороны, реакция на социальные и политические потрясения, бывшие на рубеже двух веков, с другой – патриотический подъем, который вызывался напряженной борьбой с интервентами. Авторами всех этих произведений были почти исключительно представители имущих слоев московского общества – боярства, дворянства, высшего и среднего духовенства и, реже, служилых людей.

Обращает на себя внимание литературная традиционность большинства произведений «смутного времени», их сильная зависимость от устоявшихся образцов предшествовавшей литературы, закреплённых московской книжной практикой XVI века. Почти во всем, что было написано в тот период, сильно дают себя знать то *«добрословие»*, та пышная риторика, в жертву которым сплошь и рядом приносится фактичность и достоверность изложения. Любопытно, что некоторые авторы, бывшие свидетелями и даже участниками событий, предпочитают рассказывать о них не на основе личных наблюдений и воспоминаний, а на основе письменных источников. Характерно и то, что в изображение реальных фактов сплошь и рядом обильно вплетается традиционная фантастика (описание чудес, видений, знамений и т. д.) Особенно показательным для литературы «смутного времени» развитие жанра «видений» с их обличительным пафосом, направленным против виновников бедствий, постигших Русское государство. Ярким образцом этого жанра является «Повесть о видении некоему мужу духовну», вошедшая в так называемую «Повесть 1606 года». Прагматическое объяснение событий в произведениях о «смуте» большей частью заменяется взглядом на них как на наказание за умножение грехов и назидание согрешившим царям, боярам и всему русскому народу. Чаще всего конкретными виновниками несчастий называются Борис Годунов, который убийством царевича прекратил существование рода законных царей московских и *«восхити неправдою на Москве царский престол»* и Лжедмитрий I. Лишь изредка, как, например, у автора «Сказания или Истории в память предыдущим родам» Авраамия Палицына, причиной событий выставляется отсутствие единения, политическая апатия, то, что Палицын называет *«безумным молчанием»* перед царем, иначе – раболепием перед властью и тупой покорностью.

Среди повестей, отразивших события 1604 – 1613 годов можно выделить произведения, которые отражают интересы правящей боярской верхушки. К ним относится «Повесть 1606 года», переработанная позже в так называемое «Иное сказание». Произведение принадлежало перу монаха Троице-Сергиева монастыря, видимо, выходца из феодальной знати, ожесточенного врага Бориса Годунова и ревностного сторонника Василия Шуйского.

Автор повести активно поддерживает боярского царя Василия Шуйского, пытается представить его народным избранником, подчеркивает единение этого царя с народом. В произведении прославляется *«мужественное дерзновение»* Шуйского в его борьбе со *«злым еретиком»*, *«расстригой»* Гришкой Отрепьевым. Для доказательства законности прав Шуйского на российский престол его род возводится к Владимиру Святославичу Киевскому. Защищая интересы боярства, автор изображает его в роли спасителя Русского государства от врагов.

«Повесть 1606 года» и «Иное сказание» написаны в традиционной книжной манере. Произведение отличает риторическая патетика и активное использование автором стиля «плетение словес». Чтобы убедиться в этом достаточно рассмотреть, как выглядит в тексте – в применении к царевичу Димитрию – метафора, встречающаяся еще в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе»: *«И повеле (Борис) тое царскую младорастущую и краснорасцветаемую ветвь отторгнути, благоверного царевича Дмитрея, яко несозрелаго класа, пожати, младенца незлобива суца смерти предати и яко агнца заклати»* и т. д. Повесть в большом количестве украшена составными эпитетами, вроде *«злораспалемый»*, *«храбросердый»*, *«каменносердечен»*, *«бесовозлюбленный»*, и т. п. Часто встречаются в ней патетически звучащие восклицания, вопросы, обращения, сравнения, цитаты из Священного писания и из отцов церкви. Приукрашиваются здесь и традиционные

формулы боя. Автор использует стилистику повестей о Мамаевой побоище, которая приобретает под его пером добавочную декоративность: *«Василий Иванович Шуйский... възъярився сердцем, и остроумие и зело храбро со своим полком избранным с правые руки напускается сатанина угодника на войско и пресече, наполю раздвоив его, и яко траву поклони противустоящих»*. Риторическая патетика автора особенно проявляется там, где он бичует и негодует, как, например, говоря об умершем Отрепьеве: *«Ох, увы и люте тебе окаянному, яко и земля возгнушася на себе держати проклятого твоего еретического трупа, и аер ста неблагонаравие плодити, облацы дождя не даша, не хотяще его злоокаяннаго тела омыти, и солнце не воссия на землю огривати, и паде мраз на всеплодие, и отъят от наю тука пиенична и гроздия, дондеже злосмрадное тело его на земли повержено бяше»*.

Группе произведений, в которых выражаются взгляды правящей боярской верхушки, противостоят тексты, отражающие интересы дворянства и посадских торгово-ремесленных слоев населения.

В этом случае, как, например, в «Новой повести о преславном Росийском царстве», написанной в конце 1610 или в начале 1611 года, по всей вероятности, приказным дьяком и являющейся публицистическим агитационным воззванием (подметным письмом), в произведениях ярко проявляются антибоярские тенденции.

«Новая повесть» написана в то сложное для страны время, когда Москва была захвачена польскими, а Новгород – шведскими войсками. В произведении разоблачаются планы польских магнатов и «злого супостата» короля Сигизмунда III, который лживыми обещаниями стремится усыпить бдительность русских. Автор повести с негодованием обличает предательскую политику боярской знати. Он с презрением отзывается о боярах прежде всего потому, что они попустительствуют самоуправству поляков, водворившихся в Русской земле, грабящих и разоряющих ее, насилующих и бесчестящих женщин. Бояре – *«доброхоты»* польского короля, *«злого супостата»* Сигизмунда и его сына Владислава, *«наши злодеи»*, *«земледержьцы и правители»*, а точнее, *«землесьеды и кривители»*. Они *«ум свой на последнее безумие отдали и к ним же, ко врагом, пристали»*.

В глазах автора повести единственной фигурой, около которой следует объединиться для выступления против поляков и покровительствующих им бояр, является патриарх Гермоген, *«великий столп, и твердый адамант, и крепкий воин христов»*. Если бы таких непоколебимых столпов у нас было больше, утверждает создатель повести, не было бы столько зла *«от таких душепагубных волков, от видимых врагов, от чужих и от своих»*.

Автор прославляет мужественный подвиг защитников Смоленска, которые обороняют свой город и не дают врагам овладеть этой важной ключевой позицией. *«Чаям, яко и малым детям слышавше дивитися той их граждан храбрости и крепости и великодушию и непреклонному уму»*.

Восхваляя героических защитников Смоленска и патриарха Гермогена, который активно выступал против оккупантов, автор одновременно обращается ко всем *«православным христианам»*, *«всяких чинов людям»*, призывает их к борьбе с захватчиками. *«Вооружимся на общих супостат наших и врагов и постоем вкупе крепостне за православную веру. И за Святыя Божия Церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже нам Господь дал! И изберем славную смерть; аще и будет нам то. и по смерти обрящем царство небесное и вечное, нежели zde безчестное и порозное горкое житие под руками враг своих»*. На примере поведения *«крепких»* смолян и патриарха «Новая повесть» выдвигала на первый план стойкость как необходимое качество поведения истинного патриота.

Характерной чертой повести является ее демократизм, новая трактовка образа народа – *«великого... безводного моря»*. К народу обращены призывы и послания Гермогена, к народу апеллирует автор повести. Правда, народ пока еще не выступает в произведении в качестве активной действующей силы.

«Новая повесть» отличается своеобразным стилем: деловая речь сочетается в ней с взволнованным патетическим призывом. Чтобы сделать произведение более выразительным, автор не раз прибегает к ритмизированной речи, восходящей к народному ритмическому сказу и раешному стиху: *«А сами наши земледержьцы, яко же и прежде рех, – землесьеды, те и давно от него (Гермогена) отстали, а ум свой на последнее безумие отдали, и к ним же ко врагам пристали, и ко иным, к подножию своему припали и государьское свое прирождение применили в худое рабское служение, и покорилися и поклоняются неведомо кому, – сами ведаете»*.

Общий патетический тон изложения сочетается в «Новой повести» с многочисленными психологическими характеристиками. Впервые в литературе появляется стремление обнаружить и

показать противоречия между помыслами и поступками человека. В этом возрастающем внимании к раскрытию помыслов человека, определяющих его поведение, и заключается литературное значение «Новой повести».

Тематически близок к «Новой повести» «Плач о пленении и о конечном разорении превысокого и пресветлейшего Московского государства».

В произведении в риторической форме рассказывается о появлении самозванца, оплакивается разорение «*богонасажденного винограда*». Сожжение Москвы осмысливается автором как падение «*многонародного государства*». Автор стремится выяснить причины, которые привели к «*падению превысокой России*», используя форму назидательной краткой «беседы». Как и в «Новой повести», в «Плаче» встречаются враждебные отзывы о поляках и о «*домашних врагах*» – боярах, восхваляется патриарх Гермоген. В абстрактно-обобщенной форме автор «Плача» говорит об ответственности правителей за то, что случилось «*над превысочайшею Россией*». В то же время произведение не зовет к борьбе, а лишь убеждает искать утешение к молитве и упованию на помощь Божью.

Произведение написано риторически-панегирическим стилем. Особенно выразительно начало «Плача»: «*Откуда начнем плакати, увы, толикаго падения преславныя яносяющия превеликия России? Которым началом воздвигнем пучину слез рыдания нашего и стонания? О, коликих бед и горестей сподобилося видети око наше! Молим послушающих со вниманием: О христоименитии людие, сынове света, чада церковнии, порождении банею бытия! разверзите чюственныя и умныя слухи ваша и вкупе распространим арган словесный, вострубим в трубу плачевную, возопием к живущему в неприступней свете, к царю царствующих и господь господствующих, к херовимскому владыце, с жалостию сердец наших, в перси биюще и глаголюще: «Ох, увы, горе! како падеся толикий пирг (башня) благочестия, како разорися богонасажденный виноград (сад), его же ветвие многолиственную славою до облак вознесошася и грозд зрелый всем в сладость неисчерпаемое вино подавая?» и т. д. О самозванце в «Плаче» говорится: «*Воста предтеча богоборнаго антихриста, сын тмы, сродник погибели, от чина иноческаго и дьяконскаго, и прежде светлый ангельский чин поверже и отторгнувся от части христианския, яко Июда от пречистаго ангельскаго лика и избежав в Польшу, и тамо безчисленных богомерзких ересей скрижали сердца своего наполнил*» и т. д.*

Неизвестный автор «Плача» обнаружил и знание литературного языка, и художественный талант. Не будучи очевидцем описываемых событий и пользуясь для своего произведения главным образом грамотами, рассылавшимися московским правительством по городам, он не довольствовался передачей простой речи грамот, а переделывал её по-своему, сообразно с обычаем времени, в риторические фразы.

Написан был «Плач», вероятно, в каком-нибудь провинциальном городе для поучения местных жителей. То, что автор, не видя событий своими глазами, нашел возможным рассказать о них, показывает, что он был знаком с этими событиями по слухам и официальным документам. В таком положении, скорее всего, могло быть лицо из местной администрации или духовенства, получавшее и хранившее грамоты, рассылаемые правительством. О времени составления «Плача» в самом произведении нет данных, но зная, по аналогии с другими фактами, что автор пользовался грамотами, рассылавшимися из ополчения Пожарского в апреле 1611 года, следует и памятник относить не ранее чем к 1612 году, к тому времени, когда поляками был взят Смоленск и сожжена Москва. При этом произведение, очевидно, было создано не в конце года, а в середине: в конце 1612 года весть об освобождении Москвы уже разнеслась по всему государству, а между тем автор «Плача», прося у бога пощады «остатку государства», ещё не знает об освобождении столицы.

б) «Повесть о смерти и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского».

Сохранились две повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском, племяннике Василия Шуйского, выдающемся полководце, особенно прославившемся своими победами, в союзе со шведским полководцем Яковом Понтусом Делагарди, над войсками Лжедмитрия II. Русско-шведский отряд, во главе которого стояли Скопин-Шуйский и Делагарди сумел освободить Тверь, вынудил тушинцев снять осаду с Троице-Сергиева монастыря. Эти победы сделали Скопина-Шуйского народным любимцем и он с триумфом вступил в Москву.

Готовясь к очередному походу против поляков, он в апреле 1610 года внезапно заболел после пира у князя И.М. Воротынского, куда был приглашен в качестве крестного отца его сына, и через две недели, на 24-ом году жизни, умер. Народная молва обвиняла в смерти любимого героя царя, который видел в молодом и талантливом Скопине конкурента, и бояр. Упорно ходившие слухи объясняли смерть Скопина отравой, которую поднесла ему «кума подкрестная», дочь Малюты

Скуратова Мария, жена Дмитрия Шуйского, дяди Михаила, завидовавшего славе и популярности своего племянника. Тело Скопина было торжественно погребено в Москве, в Архангельском соборе.

Повести о Скопине-Шуйском рассказывают: первая – «о рождении» князя и о его подвигах, а затем очень кратко о событиях после его смерти, вторая – о его «преставлении и о погребении». Основываясь на ряде стилистических совпадений, нужно думать, что обе повести были написаны одним, неизвестным ученым автором, но первая лет на восемь позже второй. В первой повести, в описании Калязинской битвы, имеется совершенно очевидное заимствование из соответствующего места «Сказания» Авраамия Палицына; следовательно, повесть не могла создаться ранее 1620 года – времени окончания этого произведения. Что касается второй повести, то она, судя по тому, что представляет собой живой отклик на смерть Скопина и содержит в себе много достоверных подробностей, была написана вскоре после кончины князя, видимо, не позже 1612 года. В дальнейшем обе повести в сокращенном виде были соединены в одну, вошедшую в Хронограф.

Первая из двух указанных повестей – «о рождении» Скопина, написанная в общем по шаблону житийных произведений и воинских повестей, особого историко-литературного интереса не представляет, в отличие от второй, наряду с обильной агиографической риторикой отразившей в себе очень сильно влияние устной песни, сложившейся, несомненно, вскоре же после смерти Скопина.

«Повесть о смерти и погребении» состоит из нескольких частей:

- вступления, в котором говорится о родословной героя;
- первая часть – изображение пира - крестин у князя Воротынского;
- вторая часть – описание смерти героя и всенародного горя по поводу его кончины.

Начав повесть в духе «Степенной книги» с сообщения генеалогии Михаила Скопина-Шуйского и возведя его род через Александра Невского к Владимиру святому и далее к Августу-кесарю, автор говорит о приезде героя из Александровой слободы в Москву на крестины к князю Воротынскому. Тут кума его Мария, *«змия лютая злым взором, аки зверь лютой»*, по совету злых изменников и советников задумала *«злую мысль изменную»* – уловить Скопина, *«аки в лесе птицу подобну, аки рысь изжарити»*. Вслед за тем, использовав былинку, хотя и с нарушением ее размера и с привнесением некоторых книжных элементов, автор продолжает: *«И как будет после честного стола пир на весело, и дьявольским омрачением злодеяница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником Алексеем Ивановичем. И в той чаре, в питии, уготовано лютое питье смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха, а не ведает, что злое питье лютое смертное. И не в долг час у князя Михаила во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного и послал к своей матушке княгине Елене Петровне. И как всходит в свои хоромы княжецкие, и усмотрела его мати и возрела ему во ясные очи; и очи у него ярко возмутились, а лице у него страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе стоя колеблются»*. В стиле той же былинной поэтики передается «слово жалостно» матери Скопина: *«Чадо мое сын, князь Михайло Васильевич, для чего ты рано и борзо с честного пиру отъехал? Любо тебе богоданный крестный сын принял крещение не в радости? Любо тебе в пиру место было не по отчеству»* и т. д.

После этого стиль повести до конца вновь становится книжным, в нем лишь местами сохраняются устно-эпические черты. Скопин-Шуйский умирает, несмотря на помощь шведских врачей. Его оплакивают все, начиная от нищих и кончая Делагарди, царем и патриархом. С трудом находят гроб, в который могло поместиться тело Скопина, *«понеже велик бе возрастом телес своих»*. По требованию народа, собравшегося в великом множестве, Скопина хоронят не в Чудовом монастыре, как предполагалось, а в Архангельском соборе, где погребались цари и великие князья. Как и в «Житии Алексея человека божия» и в некоторых русских житиях, написанных под влиянием этого текста, в «Повести» говорится о том, что от народного вопля не было слышно надгробного пения и не было видно ни одного человека, который не плакал бы, так что помост церковный наводнился слезными потоками.

В текст включаются плачи-причитания матери Скопина и его жены, написанные под влиянием аналогичного плача княгини Евдокии по князю Дмитрию Ивановичу. Автор говорит о том, что о погибшем князе горько плачет и царь Василий Шуйский. Он, вернувшись с погребения, вошел в свою палату и *«на злат стол свой царский ниц пал, и плачась захлебался горько, смоча слезами стол, слезы на пол со стола каплющи»*. Так же неутешно плачут после похорон мать и жена Скопина: *«Падше на стол свой ниц, плакахуся горце и захлебающе, стонуше и слезами своими стол уливая, и слезные быстрицы, аки речныя струя, на пол с стола проляишеса, и до утра без*

пищи пребываяя». Плачут и старицы, «яко галицы», и вдовицы, «яко ластовицы». Заканчивается повесть рассказом о видении некоего иконописца, которое предрекало смерть Скопина-Шуйского.

Таким образом, повесть отличает явный стилистический разнобой, происшедший в результате совмещения в ней книжного и фольклорного материала. Такое совмещение, как справедливо заключает автор специального исследования о повестях и песнях о Скопине-Шуйском Ржиг В.Ф., оправдывалось тем, что Скопин не был ни святым, ни царем, и элементы военной героики выступали в повествовании о нем на первый план. Поэтому материал для этого повествования должен был черпаться не только из агиографической традиции «Степенной книги», но также из народной песни.

в) «Сказание» Авраамия Палицына

Одним из популярнейших произведений, посвященных «смуте», было «Сказание» Авраамия Палицына, в полном своём составе дошедшее до нас в большом количестве списков XVII – XVIII веков и частями входившее в Хронографы.

Помимо окончательной редакции «Сказания», самого обширного из всех произведений о «смуте», заключающего в себе 77 глав, известны еще два варианта более ранней редакции первых 6-ти его глав, дошедшие до нас в рукописях Забелина и Московской духовной академии (каждая сохранилась лишь в одном списке). Они очень близки друг к другу и возникли, видимо, в 1611 – 1612 годах, судя по содержанию, до избрания на царство Михаила Романова. Что касается распространенной редакции, она отличается, во-первых, переработкой ранее написанных 6-ти глав со стороны стилистической, а также со стороны содержания (в ряде случаев значительно смягчен обличительный тон, характерный для более раннего текста), во-вторых, дополнение и продолжение фактической истории событий, вплоть до последних месяцев 1619 года, кончая рассказом о нашествии Владислава на Москву. Завершение работы Палицына над своим трудом, судя по собственноручно проставленной им дате, относится к 1620 году.

Автор «Сказания» Авраамий Палицын (в миру Аверкий Иванов сын Палицын) (ок. 1550 - 13.IX.1627) – известный церковный деятель и писатель. Он происходил из боярских детей. Начал карьеру воеводой на Крайнем Севере, но его успешное восхождение по ступеням дворянской иерархической лестницы было прервано опалой 1587–1588 года с конфискацией имущества. Около 1597 года Палицын постригся в монахи в Соловецком монастыре и уже в 1602 году стал его келарем (экономом). Во время осады монастыря войсками польских интервентов Палицын находился в Москве, оказывая оттуда помощь осажденным. В конце 1610 года прибыл в Смоленск в составе Великого посольства, направленного правительством для переговоров с польским королем Сигизмундом III. Вскоре вернулся в монастырь в числе посланников, признавших претензии Сигизмунда, но в марте – октябре 1611 года уже участвовал в рассылке монастырских грамот, побуждавших отряды народного ополчения к освобождению Российского государства. В период подготовки решающего сражения за Москву (август 1612 года) способствовал установлению связей между отрядами второго народного ополчения Минина и Пожарского и московскими «таборами» Трубецкого. Как член Земского собора 1613 года Палицын поставил подпись под «грамотой утвержденной» об избрании на царство Михаила Романова. Последние годы жизни (с лета 1620 года) Палицын провел в Соловецком монастыре, где скончался и был погребен.

Изображая скорбные и героические события русской истории, Палицын выдает себя за безупречного патриота, а между тем известно, что он был в сношении с поляками и порой действовал в их интересах. Личные корыстные мотивы играли немалую роль в его поведении. Создавая «Сказание» Палицын пытался реабилитировать себя, оправдать свои отношения с королем Сигизмундом и подчеркнуть заслуги в борьбе с иноземными захватчиками и избрании на царство Михаила Романова.

Палицын отличался незаурядным умом и наблюдательностью, и потому его «Сказание» дает много ценного материала для истории «смуты». Произведение представляет немалый интерес и с точки зрения чисто литературной. Палицын прекрасно владел литературной речью, умел дать порой яркий художественный образ и поднимался до высокого публицистического пафоса и подлинного красноречия. Всем этим он часто преодолевал тяжеловесное витийство, к которому в общем был привержен в той же мере, как и прочие писатели – его современники. Если в картинах воинских сражений он в основном следовал установившимся литературным формулам, в ряде случаев восходящим к «Повести о Царьграде» Нестора-Искандера, а в описании видений и чудес – шаблонам агиографии, то в других описаниях и в собственных рассуждениях он обнаруживал настоящий талант и оригинальность письма. В доказательство сказанного достаточно привести хотя

бы следующий обличительный выпад Палицына против «сильных мира», взятый из академического варианта ранней редакции «Сказания» и в окончательной редакции значительно смягченный: *«И мнози убо мы и доднесь в скверне лихоимства живуще и кабаками печемся, чтобы весь мир соблазнили; и граблением и посулы церкви божию созидающе и красно образы строяще, в судилищех же и на путех и у врат наших всегда по образу божию создание со хранители нашими ангелы божиими, плачюще, рыдают, дабы на милосердие и на правосудие преклонилися! Но никакоже тех гласа не послушаем, и в лице и в перси тех бити повелеваем, и батоги, иже злы зле, кости их сокрушаем и во юзы (узы), и в темница, и в смыки (колодки), и в хомуты тех присуждаем... И клячацаго (просящего) же бедного и померзающаго студению пред враты гласа не слышим, не десятизлатник в чрево свое просящу втиснути, но токмо от хлеба единого насытитися и от чаши студены воды желая жажду утолити. Но не сих ради готовлена трапеза наша беаше, но тех для, иже имут дары великия, принести: злато и серебро, камки и бархаты, и жемчюг и камене драгое, и вина заморские и птицы и звери и скоты, и всяко тканье, и различная брашна...».*

«Сказание» состоит из ряда самостоятельных произведений:

1. Небольшой исторический очерк, обозревающий события от смерти Грозного до воцарения Шуйского. Палицын пытается определить причины «смуты», которые видит в незаконном похищении царского престола Годуновым и его политике (главы 1-6);

2. Подробное описание 16-месячной осады Троице-Сергиева монастыря войсками Сапеги и Лисовского. Эта центральная часть «Сказания» была создана Палицыным путем обработки записок участников обороны монастырской крепости (главы 7-52);

3. Повествование о последних месяцах правления Шуйского, разорении Москвы поляками и ее освобождении, избрании на престол Михаила Романова и заключении перемирия с Польшей (главы 53-76).

Таким образом, в «Сказании» дается изложение исторических событий с 1584 по 1618 годы. Они освещаются с провиденциалистских позиций. Причины бед, по мнению Палицына, *«еже содеяся по всей России – праведное гневобыстное наказание от бога за вся та сотвореннаа от нас злаа»*, победы – одержанные русским народом над иноземными захватчиками – результат благодеяния и милосердия Богоматери и заступничества святых Сергия и Никона. Религиозно-дидактические рассуждения даны в традиционной риторической форме поучений, подкрепляемых ссылками на текст Священного писания, а также обильными картинами всевозможных «чудес», «видений», которые, по мнению автора, являются бесспорным доказательством особого покровительства небесных сил Троице-Сергиеву монастырю и всей Русской земле.

В то же время Палицын стремится изложить «вся по ряду», «документировать» свой материал: он точно указывает даты событий, имена их участников, вводит в свой текст «грамоты» и «отписки», то есть чисто деловые документы.

Ценность «Сказания» составляет его фактический материал. Особенную значимость имеет вторая часть произведения, в которой изображается осада Троице – Сергиева монастыря.

Одной из особенностей «Сказания» является достоверное изображение быта осажденного монастыря. Картина нравственного одичания людей в пору «смуты», рисуемая Палицыным не без влияния, видимо, «Казанского летописца», по своему крайнему реализму превосходит все, что имеется в этом отношении в предшествующей литературе. Автор говорит о страшной тесноте и вспыхнувшей эпидемии цинги, о том, что люди расхищают *«всякая древесна и камене на создание кушь»*, *«и жены чада рождаху пред всеми человеки»*. Из-за тесноты и нехватки топлива, ради *«измытия порт»* люди вынуждены периодически выходить из крепости. *«Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдать»*, – пишет Авраамий. И хотя в понятие истины у Палицына входит и описание религиозно-фантастических картин, они не могут заслонить главного – народного героизма.

Автор правдиво описывает героические ратные подвиги крестьян монастырских сел, монастырских слуг, подчеркивает, что в трудное для родины время *«и нератницы охоробришася, и невежди, и никогда же обычай ратных видевшей и ти убо исполинскую крепостию препоясашася»*. В «Сказании» показано, с каким высоким патриотическим подъемом и с каким презрением к интервентам русские люди сопротивлялись вражескому нашествию, какой героизм при этом проявляли не только руководители обороны, но и неименитые воины. Авраамий сообщает имена многих народных героев, описывает их подвиги. Таковы, например, Никон Шилов и Слота, поджегшие и взорвавшие подкоп ценой собственной жизни, или Данила Селевин, решивший смертью за родину смыть позор, легший на его голову вследствие измены его брата, или Ананий

Селевин, бесстрашный удалец, как вихрь носящийся на своем коне и убитый после того, как погиб его конь, после седьмой раны. Таков же крестьянин селе Молоково – Суета, *«велик возрастом и силен вельми, подсмеиваем же всегда неумения ради в боях»*. Суета останавливает обратившихся в бегство воинов, бесстрашно сечет *«на обе стороны врагов»* и удерживает полк Лисовского, говоря: *«Се умру днесь или славу получю от всех»*. *«Скоро же скакаше, яко рысь, Суета многих тогда вооруженных и во бронях уязви»*. Слуга Пиман Танеев *«устрели» «из лука в лице» «свирепого» Александра Лисовского, который «свалился с коня своего»*.

Авраамий неоднократно подчеркивает, что монастырь был спасен от *«супостатов» «молодыми людьми»*, а *«умножение во граде»* (монастыре) *«беззакония и неправды»* связано с людьми *«воинственного чина»*. Резко осуждается в произведении предательство монастырского казначея Иосифа Девочкина и покровителя его *«лукавству»* воеводы Алексея Голохвастова, а также измена *«сынов боярских»*.

Авраамий отнюдь не питает симпатий к *«рабам»* и холопам, которые *«убо господие хотящее бытии, и неволнии к свободе прескачюще»*. Он резко осуждает восставших крестьян и *«начальствующих злодеем»* холопов Петрушку и Ивана Болотникова. В то же время даже Палицын, являющийся ревностным защитником основ крепостного строя, вынужден признать, что решающую роль в борьбе с интервентами сыграл народ: *«Вся же Росия царствующему граду способствующее, понеже обща беда всем прииде»*.

Для ряда повестей о «Смутном времени» характерно введение в прозаический текст стихотворных строк, очевидно, имевших целью придать изложению большую выразительность и эмоциональность. Такие строки встречаются уже в «Повести о честном житии царя Федора Ивановича», написанной в 1603 году патриархом Иовом, и в «Ином сказании». В данном случае можно говорить о начальной стадии развития виршевого искусства, еще досиллабического. Стихи характеризуются неравносложностью строк, отсутствием цезуры, чаще всего глагольной рифмой, заменяемой иногда ассонансом или консонансом. В большинстве случаев прозаический текст прерывают две-три стихотворные строки. Дальнейший шаг вперед в этом отношении сделал Палицын, вводящий в «Сказание» в двух местах (главы 45 и 47 окончательного текста) целый ряд сплошь идущих стихотворных строк, скрепленных в большинстве случаев рифмами, составленными из существительных, а также ассонансами, как, например в следующем случае (глава 47):

Исходяще бо за обитель дров ради добытия
и во град возвращахуся не без кровопролития.
И купивше кровию сметие и хвратие
и тем строяще повседневное ястне.
К мученическим подвигом зелне себе возбуждающе
и друг друга сим спосуждающе.
Иде же сечен бысть младый хвраст,
ту разсечен лежаше храбрых возраст,
и идеже режем бывавше младый прут,
ту растерзаем бываше птицами человеческий труп...

Таким образом, «Сказание» представляет собой оригинальное произведение, в котором дается широкая панорама жизни России на протяжении нескольких столетий. Опираясь на традиции «Казанского летописца» и «Повести о взятии Царьграда», Палицын создает оригинальное произведение, в котором сделан значительный шаг по пути признания народа активным участником исторических событий.

г) «Летописная книга», приписываемая И.М. Катыреву-Ростовскому.

События периода первой крестьянской войны и польско-шведской интервенции отражаются в произведении, длинное название которого начинается словами «Повесть книги сея от прежних лет: о начале царствующего града Москвы» и т. д., и которое в стихотворном послесловии озаглавлено «Летописная книга».

Написан этот текст, как указано в его заглавии, в 1626 году. Автором его первоначально считался составитель Хронографа Сергей Кубасов. Затем в своем исследовании, изданном в начале XX века, Платонов С.Ф. приписал произведение приближенному царя Михаила Федоровича князю Ивану Михайловичу Катыреву-Ростовскому (позднее он усомнился в авторстве Катырева-Ростовского и вновь поставил вопрос о принадлежности «Повести» перу Кубасова). Наряду с этим высказывалось предположение, что «Летописная книга» была написана князем Семеном

Шаховским (Кукушкина М.В.) или тремя авторами, из которых Катырев-Ростовский был главным ее редактором (Державина О.А.).

Кто бы ни был автором «Летописной книги», она написана в царствование Михаила Федоровича, в то время, когда важнейшие события эпохи были уже позади, и на них установился относительно объективный взгляд. Такое более или менее объективное отношение к пережитым событиям в сильной степени сказывается в «Летописной книге». Автор ставит своей задачей преимущественно простую фиксацию фактов; он довольствуется последовательным описанием одного события за другим и не всегда высказывает свой взгляд на происходившее. По своему языку, живому и образному, повесть стоит выше почти всех прочих повестей о «смуте». Она к тому же почти совершенно лишена нравочений и цитат из Священного писания. Те немногие церковные фразы, которые попадают в произведение, употреблены кстати и свидетельствуют только о том, что автор его был книжным человеком. С исторической стороны «Летописная книга» интересна тем, что впервые дает цельное описание всей эпохи. В отличие от Авраамия Палицына автор «Летописной книги» выдвигает на первый план личности правителей, «начальников воинства», патриарха Гермогена и стремится дать им более глубокие психологические характеристики, отметить не только положительные, но и отрицательные черты характеров ряда исторических деятелей. Автор опирается на Хронограф редакции 1617 года, где в повествовании о событиях конце XVI – начала XVII века внимание было обращено на внутренние противоречия человеческой природы, ибо *«никто из земнородных»* не может остаться *«беспрочен в житии своем»*, потому что *«ум человек погрешителен есть и доброго нрава злыми совретен»*.

Все предыдущие произведения о «Смуте» лишены внутренней цельности, даже «Сказание» Палицына не обладает внутренним единством. Палицын не обо всем писал с одинаковым вниманием и с одинаковой точки зрения; автор «Летописной книги» почти равномерно останавливается на всех событиях «смуты». Рассказывает он не подробно, не вдаётся в описание мелочей, но все главнейшие моменты эпохи очерчены им хотя и кратко, но последовательно и весьма стройно.

Начинается «Летописная книга» рассказом о царе Иване Грозном и заканчивается известием об избрании на царство Михаила Романова. Затем помещены рифмованные вирши в шесть строк, глава «Написание вкратце о царех московских, о образех их, и о возрасте, и о нравах», после чего опять следуют вирши, состоящие из 30-ти строк.

«Повесть», приписываемая Катыреву-Ростовскому, отличается своеобразием поэтического стиля, но, как отмечал Орлов А.С., многие ее стилистические особенности находятся в зависимости от сделанного в XV веке на Руси перевода с латинского нового варианта «Троянской истории», принадлежащего Гвидо де Колумна. И в данном случае, как и в отношении влияния перевода «Иудейской войны» Иосифа Флавия на памятники русской оригинальной литературы, нужно иметь в виду, что речь идет преимущественно о влиянии не иноземного памятника самого по себе, а той очень индивидуальной стилистики, которая характеризует искусство прежде всего русского переводчика. Одновременно «Летописная книга» отразила традиционные стилистические особенности русских воинских повестей, в частности «Повести о взятии Царьграда» Нестора-Искандера и других произведений предшествовавшей поры.

Так, например, в одном из фрагментов повести дается описание весны, *«красовидная години»*, которую автор произведения намеренно изображает с лирическим подъемом, чтобы противопоставить радостное пробуждение природы приходу на Русь «хищного волка» Дмитрия Самозванца: *«Юже зиме прошедши, время же бе приходит, яко солнце творяше под кругом зодейным течение свое, в зодю же входит Овен, в ней же ночь со днем уравниется и весна празнуется, время начинается веселити смертных, на воздухе светлостию блистаяся. Растаявиу снегу и тиху веюцу ветру, и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую броду прочертает, и плододателя бога на помощь призывает; растут желды (травы), и зеленеютца поля, и новым листвием облачаются дресеса, и отовсюду украшаютьца плоды земля, поют птицы сладким воспеванием, иже по смотрению божию и по ево человеколюбию всякое упокоение человеком спееет на услаждение»*.

Эта картина подсказана автору, во-первых, русским переводом «Троянской истории» Гвидо де Колумна, в которой есть следующие строки: *«Время же бе, яко солнце уже възде ячном гугре (под кругом зодиака) свершити течение свое, и уже вниде в зодю Рака, в ней же по божию строению звезд празнуется возврат солнцу летне, тогда убо суть большие дни...»*, во-вторых, «Словом на неделю Григория Назианзина», а там, где речь идет о ратаях, скорее всего – «Словом на антипасху» Кирилла Туровского. Для большей выразительности картины автор прибегает к

аллитерации («и во пространные потоки источницы протекают, тогда ратай ралом погружает, и сладкую броду прочтает, и плододателя бога на помощь призывает»).

Наряду с картинами сражения, напоминающими старые боевые формулы («и возмутися воздух от коньскаго ристания, и друг друга не знающе, помрачиша бо ся лица их от пыли, веемая по воздуху» и др.), в повести часто встречаются картины, которые в основном заимствованы из русского перевода Гвидо де Колумна, например следующая: «И тако плит (кипит) брань жесточайшая, летают стрелы по аеру, яко молния, и блистаютца сабелныя лучи, аки лунная светила, и со обою страну бысть падение много, и падают трупие мертвых семо и овамо» (ср. в переводе Гвидо де Колумна: «сего ради брань в то время плит жесточайша»; и «брань жестока спускается на них, и многие падут семо и овамо трупы мертвых»; «свищут по аеру многия стрелы»). В «Летописной книге» обычна формула: «поля обретают и усты меча гонят» (то есть гонят острием меча, лат. «in ore gladii»), целиком повторяющая соответствующую формулу в переводе «Троянской истории» Гвидо де Колумна.

В заключительной главе «Летописной книги», рисующей портреты царей и их детей, о царевне Ксении сказано, что она «отроковица чюдного домышления, зельною красотою лепа, бела велми... червлена губами, очи имея черны велики, светлостию блистаяся; когда же в жалобе слезы изо очию испущаше, тогда наиначе светлостию блистаху зельною... млечною белостию облянна... Во всех женах благочинниша, воистину во всех своих делех чредима». У Гвидо де Колумна Гекуба «жена бе чюдного промысла» Андромаха «зельною красотою лепа... млечною белостию блистая, очи име многим блистанием светлым, красна лицем, червлена губами... во всех благочиннейша и воистину во всех своих делах чредима». О Поликсене там сказано, что «слезы речные от очей ея текуще, блистания очи ея омрачиша».

Несмотря на то, что отдельные характеристики, вошедшие в заключительную главу «Повести», явно созданы по образцам, эта часть текста представляет собой особый интерес как одна из первых попыток запечатлеть словесные портреты исторических деятелей, дать описание из противоречивых внутренних качеств.

Интересен словесный портрет Ивана Грозного, который совпадает с его известным изображением – парсуной, хранящейся в Копенгагенском музее: «Царь Иван образом нелепым, очи имея серы, нос протягновен и покляп; возрастом велик бяше, сухо тело имея, плещи имея высоки, груди широки, мышцы толсты». За словесным портретом следует описание непростого характера царя: «...Муж чюдного разсуждения, в науке книжного поучения доволен и многоречив зело, ко ополчению дерзостен и за свое отечество стоятелен. На рабы своя, от бога данныя ему, жестосерд велми и на пролитие крови и на убиение дерзостен и неумолим; множество народу от мала и до велика при царстве своем погуби, и многия грады свои поплени, и многия святителския чины заточи и смертию немилостивою погуби, и иная многая содея над рабы своими, жен и девиц блудом оскверни. Той же царь Иван много благая сотвори, воинство велми любяше и требующая ими от сокровища своего неоскудно подаваше».

Очевидно, что автор «Летописной книги» отходит от одностороннего изображения человека. Он отмечает положительные черты даже в характере «Ростриги» – Лжедмитрия I: он остроумен, «в научении книжном доволен», смел и храбр и только «препростое обличье», отсутствие «царского достояния» «помраченность» тела свидетельствуют о его самозванстве.

Отнюдь не «помазанником божим», а вполне реальным человеком представлен Василий Шуйский: «Царь Василей возрастом мал, образом же нелепым, очи полуслепы имея; книжному научению доволен и в рассуждении ума зело смыслен; скуп велми и неподатлив; ко единым же к тем тцание имея, которые во уши уме ложное шептаху. Он же сих веселым лицем восприимаше и в сладость их послушати желаше; и к волхованию прилежаше, и о воех своих не радяше».

В целом, «Летописная книга» представляет собой такое же типично книжное в своей основе произведение, как другие памятники, посвященные «смутному времени». В меньшей мере, чем в последних, но все же достаточно в ней присутствует и обычная риторика, выражающаяся в сложных словесных образованиях, вроде «владетельно держати», «благоутишно», «благоюродив», «скифетродержавство», «кровоначальники» и т. п., и в патетических восклицаниях, в которых автор, между прочим, подражает стилю посланий Курбского к Грозному, как например: «О преславный царю Борисе! паче же неблагоприятный! Почто душегубнаго таковаго дела поискал еси и властолюбию восхотел еси? Почто беззлюбиваго младенца, сына царева суца, смерти горькия предал еси и царский род на Российском государстве пресекох еси?» и т. д. (Ср. у Курбского: «Про что, царю, сильных во Израили побил еси и воевод, от бога данных ти, различным смертем предал еси?» и т. д.)

Книжность автора «Летописной книги» сказывается и в его неравнодушии к стихотворному строю речи, который присутствует у него не только в конце сочинения в форме законченных виршей, но расцвечивает повесть на всем ее протяжении, как это мы видим и в «Ином сказании» или в «Сказании» Авраамия Палицына:

И заповеда своей части оную часть людей насилovati,
и смерти предавати,
домы их разграбляти,
и воевод, данных от бога ему, без вины убивати,
и грады краснейшие разрушатн,
а в них православных крестьян немилостиво убивати...

Рифма здесь, как и почти всюду в прочих стихотворных строках среди текста повести, исключительно глагольная, в отличие от виршей, помещенных в конце «Летописной книги», где рифмуются существительные и прилагательные:

Начало виршем
Мятежным вешем,
Их же разумно прочитаем
И слагателя книги сей потом уразумеваем.
Изложена быть сия летописная книга
О походе чюдовского мниха,
Понеже бо он бысть убогий чкрнец
И возложил на ся царский венец,
Царство великое России возмутил
И дядиму царскую на плечах своих носил.
Есть бо то в очию нашу дивно,
Предложим писанием, чтобы во веки незабывно... и т.д.

Литературные достоинства «Летописной книги» создали ей широкую популярность в московском обществе XVII века. Она не только целиком переписывалась, но отрывки ее часто вносились в компилятивные произведения о «Смуте» и даже приписывались к разрядным книгам в виде предисловия. При переписке она не раз подвергалась переделке. Так, существует список повести второй редакции, где имеется деление на главы. Каждое событие выделено в отдельную главу, а так как события описаны кратко, сжато, то деление получилось весьма дробное, значительно вредящее цельности и художественности впечатления. Кроме того, во вторую редакцию внесен поучительный элемент, и во многих местах приписаны цитаты из Священного писания.

Повесть подверглась существенной переделке под пером московских историков и в так называемой «Рукописи Филарета». Так, например, те места «Летописной книги», в которых высказывается несочувственное отношение к царю Василию Шуйскому, заменены в «Рукописи» рядом официальных похвал, и царь Василий изображен в весьма сочувственном духе. Самый слог повести казался слишком простым, почему в «Рукописи Филарета» он во многих местах украшен риторическими оборотами.

В целом можно сказать, что произведения, посвященные «смутному времени» в основном продолжали литературную традицию, прочно установившуюся в середине XVI века. Вместе с тем в этих произведениях можно найти элементы новизны. Они сказываются в стремлении осмыслить современность исторически, на фоне предшествующих событий, в повышенном интересе и внимании к человеческой индивидуальности и характерам людей, наконец, в особенностях стиля ряда памятников. Эти особенности обнаруживаются чаще всего в стремлении к возможно большей образности и украшенности изложения. Достигается это или попытками стихотворной организации речи, как в ряде повестей этого времени, или введением в повествование былинного материала, как в «Повести о преставлении и о погребении Скопина-Шуйского», или, наконец, использованием стилистической манеры русского перевода западного источника, как в «Летописной книге», приписываемой Катыреву-Ростовскому.

3. «Повесть об Азовском осадном сидении донских казаков».

XVII век отмечен значительным развитием повествовательной литературы, в том числе – исторической повести.

Историческая повесть, отталкиваясь от издавна выработанных тем воинской повести, с присущими ей чертами сверхъестественности и гиперболизма, включает в себя, как и многие другие повести иных жанров, заметные элементы реализма как в языке, так и в самом изложении.

Изменения, затронувшие жанр повести находятся в прямой зависимости от того, в какой социальной среде она возникла и интересы какого класса обслуживала. Чисто светская повесть, практически свободная от церковной окраски, является продуктом творчества посадских «низов», мелкого служилого дворянства, передового крестьянства. Эти социальные слои в очень большой мере привносят в повествовательную литературу устнопоэтическую стилистику и фольклорные детали, присутствующие часто даже в таких произведениях, которые характеризуются еще всеми особенностями литературной старины.

В ряду исторических повестей XVII века особенный литературный интерес представляют повести об Азове. Эти произведения возникли в демократической среде донского казачества – «великого Войска Донского», образовавшегося и пополнявшегося главным образом за счет беглых крестьян, уходивших на «вольный тихий Дон» от тягчайшего крепостного гнета.

В 1637 году Войско Донское овладело мощной турецкой крепостью в устье Дона – Азовом, который в течение многих лет служил основным опорным пунктом турецко-татарской экспансии на окраины Русского государства. Сделано это было без ведома царя Михаила Федоровича, который был занят политической и военной борьбой на Западе (с Польшей и Швецией) и старался поддерживать мирные отношения с турецким султаном Мурадом IV. Мурад вскоре после взятия Азова казаками готовился к тому, чтобы отвоевать город, но в 1640 году, среди этих приготовлений, умер. Новый султан Ибрагим I летом 1641 года послал под Азов огромную армию и флот. «Многособранные» войска турок осадили город. Несмотря на значительное превосходство турецких сил, четырехмесячная осада Азова оказалась безуспешной; после 25-ти ожесточенных приступов она была снята, и турецко-татарские войска бесславно вернулись обратно. Но и Войско Донское было совершенно истощено непосильной осадой, цвет казачества погиб в борьбе с врагом. Казаки спешно послали своих лучших людей в Москву с просьбой к царю принять Азов к себе «в вотчину», укрепить его и снабдить новым гарнизоном. Вопрос о том, «Азов у казаков принимать ли?» обсуждался в 1642 году на созванном для этой цели Земском соборе. Не только донские казаки, но и купечество и часть дворянства активно выступали за присоединение Азова к России, доказывая политическую и военную необходимость этого акта. Однако нерешительная политика царя, крупного боярства и духовенства одержала верх, и, уступая категорическим требованиям и угрозам турецкого султана, царь приказал казакам добровольно «Азов покинуть», что они и сделали, не имея сил для вторичной обороны этой, теперь уже разрушенной до основания крепости. С 1642 года вплоть до эпохи Петра I Азов находился под властью Турции.

Азовские события вызвали к жизни ряд литературных произведений, созданных непосредственно вслед за самими событиями. Таковы «историческая» повесть о взятии Азова донскими казаками в 1637 году, «документальная» и «поэтическая» (по терминологии Орлова А.С.) повести об Азовском осадном сидении в 1641 году «Поэтическая» повесть сохранилась в 4-х редакциях и написана в форме войсковой казачьей отписки – донесения царю Михаилу – облеченной в художественную форму, частично обусловленную влиянием былин, казачьих песен о «тихом Доне Ивановиче» и повестей о Мамаевом побоище. В дальнейшем, в последней четверти XVII века, в той или иной мере на основе «Повести об Азовском взятии и осадном сидении», а также, как предполагает Орлов А.С., под влиянием казачьих песен разинского цикла возникла «сказочная» (по терминологии Орлова) «История об Азовском взятии и осадном сидении от турского царя Брагима донских казаков».

Наиболее художественной среди этих произведений является первоначальная редакция, которую исследователи нередко называют «поэтической повестью».

Повесть начинается с документального сообщения о том, что в 1641 году к царю Михаилу Федоровичу приехали из Азова с письменным донесением («*ростисью*») об осаде города атаман Наум Васильев, есаул Федор Иванов (лица исторические) и сидевшие с ними в осаде 25 человек казаков. Автор повести строит свой рассказ об «осадном сидении» в форме казачьих войсковых отписок, в которых изложение ведется от лица всего Войска Донского, как бы устами самих казаков («*Мы, казаки...*»).

Таким образом, в центре внимания автора оказывается не известная историческая личность, а «коллективный герой» – казаки, совершающие героический подвиг не ради личной славы и не из корысти, во имя своей Родины. Автор произведения стремится создать образ «массы», передать ее чувства и настроения. «Повесть» ярко свидетельствует о начавшемся в первой

половине XVII века процессе демократизации литературы, о появлении в ней новых героев – представителей народа.

Повесть точно описывает состав огромной турецко-татарской армии, посланной султаном под Азов. Враги окружают город. Автор такими образными словами описывает ужас нашествия: *«Где у нас была степь чистая,— говорят казаки,— тут стала у нас однем часом, людьми их многими, что великие и непроходимые леса темные»*. Земля под Азовом будто бы подогнулась, и из Дону-реки вода выступила, шатры турецкие, что горы, забелелись, стрельба врага была так сильна, как будто разразилась *«гроза небесная»*, крепости азовские потряслись, само солнце померкло, и наступила тьма.

Турецкое командование посылает к казакам своего представителя, который обращается к ним с *«речью гладкою»*: *«О люди божий, царя небесного! Никем вы в пустынях водими или посылаеми, яко орли парящие без страха по воздуху летаете и яко лви свирепыи в пустынях рыскаете, казачество донское и волное и свирепое, соседи наши ближние и непостоянные нравы, лукавыи пустынножители, неправшии убийцы и разбойницы непощадны! Как от века не наполните своего чрева гладново? Кому приносите такие обиды великие и страшные грубости? Наступили есте вы на такую великую десницу высокую, на государя царя турского. Не впрям вы еще на Руси богатыри светорусские нарицаетесь...»*. Это своеобразное начало речи, в котором риторические похвалы казакам перемежаются упреками по их адресу, продолжается укорами и бранью за взятие ими «любимой отчины» султана – Азова и заканчивается грозным требованием в эту же ночь очистить город. Турецкий посол подчеркивает, что от Московского царства помощи и выручки казакам ждать нечего. Но если казачество *«вольное»* захочет служить турецкому султану турецкому, то он простит им все их *«казачьи грубости прежние... и взятые азовское»*, обогатит *«неисчетным богатством»*.

Ответная речь казаков проникнута чувством патриотизма, рыцарского достоинства и презрения к какому бы то ни было компромиссу. В традиционном риторическом стиле казаки упрекают султана в сатанинской гордости, в том, что он *«ровен... богу небесному у вас в титлах пишется»*, но за все это опустит его бог *«с высоты в бездну вовеки»*, и от казачьей *«руки малья»* будет ему *«срамота и стыд и укоризна вечная»*. Даже если турки и захватят Азов, то и в этом случае султан не приобретет чести победителя, так как возьмет город наемными силами, *«умом немецким и промыслом»*. Далее, творчески используя стилистику повестей о Мамаевом побоище и фольклора, автор устами казаков говорит: *«Где ево (султана) рати великия топере в полях у нас ревут и славятся, а завтра в том месте у вас будут вместо игор ваших горести лютые и плачи многие, лягут от рук наших ваши трупы многие. И давно у нас, в полях наших летаючи, хлехчют орлы сызья и грают вороны черныя подле Дону тихова, всегда воют звери дивии, волцы серыя, по горам у нас брешут лисицы бурья, а все то скликаючи, вашего бусурманского трупа ожидаючи»*.

Ориентируя свое произведение на московского читателя – современника азовских событий, автор повести, как отмечалось, влагает в уста турецкого посла замечание о том, что Москва не поддержит казаков. В ответной речи казаки говорят: *«И мы про то сами без вас, собак, ведаем, какие мы в Московском государстве на Руси люди дорогие, ни к чему мы там не надобны...»*. Но, несмотря на обиды, которые причиняет казакам их государство, они чтут его, потому что оно *«велико и пространно, сияет светло посреди паче всех иных государств... аки в небе солнце»*. Казаки знают, что их на Руси *«не почитают и за пса смердящаго»*. Происходит это потому, что, как они говорят, *«отбегаем мы ис того государства Московского из работы вечныя, ис холопства неволнаго, от бояр и от дворян государевых... Кому об нас там потужить? Ради там все концу нашему»*. Таким образом, с одной стороны, казаки, подобно былинным богатырям, стоят *«на заставе»* родной страны и в борьбе с турецкими посягательствами на пределы Русской земли сознают себя представителями всего своего народа, государства и веры, с другой – все они, в большинстве своем в прошлом беглые холопы, с горечью подчеркивают несправедливое отношение к ним на Руси со стороны их прежних хозяев – *«бояр и дворян государевых»*.

На предложение турок перейти на службу к султану казаки иронически обещают побывать в *«Царьграде»* и послужить Ибрагиму *«пищальми казачими да своими сабелки вострыми»*. Они вспоминают историческое событие 1453 года, завоевание турками Царьграда, когда погиб царь Константин и множество христиан, кровью которых обагрены были церковные пороги. За это казаки теперь грозят освободить некогда христианский Царьград и убить султана Ибрагима. *«Государевы люди русские»*, населяющие окраины Московского государства, *«аки лви яростные и неукротимые, и хотят поаясти вашу живую плоть босурманскую»*. При помощи их, будь на то только царская воля, *«был бы за ним, великим государем, однем летом Ерусалим и Царьград по-прежнему, а в городех бы турецких во всех не стоял бы камень на камени от промыслу руского»*. Казаки заканчивают свой

ответ решительным отказом сдать Азов и, наговорив туркам немало колких и обидных слов, советуют впредь с «глупую речью» к ним не ездить.

Осадные действия турок возобновляются. Приступы турецких войск чередуются с вылазками казаков. Турки несут огромные потери. За выдачу трупов своих воинов они предлагают казакам большие деньги, но казаки отказываются от них: *«Не продаем мы мертвого трупу николи, — отвечают они. — Не дорого нам ваше серебро и золото, дорога нам слава вечная!»*

Казаки выдерживают 25 жесточайших приступов и за это время смертельно устают. По словам автора повести: *«Поморили нас бессонием: 14 дней и 14 ночей с ними беспрестани мучимся. Уже наши ноги под нами подогнулись и руки наши оборонные уж не служат нам, от истомы уста наши не глаголют уж, от беспрестанная стрельбы глаза наши выжгло, в них стреляючи порохом, язык уж наш во устах наших на бусурман закритать не воротится. Такое наше безсилие — не может в руках своих никакова оружия держать, почитаем себя уже мы топерво за мертвый труп». В ожидании смерти казаки прощаются с царем Михаилом, духовенством и всеми православными христианами, а затем обращаются с трогательным прощальным словом, пронизанным образами народной поэзии, к окружающей природе: *«Простите нас, леса темные и дубравы зеленые. Простите нас, поля чистые и тихие заводи... Прости нас, государь наш тихой Дон Иванович, уже нам по тебе, атаману нашему, з грозным войском не ездить, дикова зверя в чистом поле не стреливать, в тихом Дону Ивановиче рыбы не лавливать».**

Новая попытка турок решить дело подкупом терпит неудачу: казаки готовы скорее умереть, чем сдать Азов. Во время осады к казакам, как говорится в повести, является сама богородица: *«Мужайтесь, казаки, а не ужасайтесь!»* — говорит она, ободряя осажденных и вселяя в них веру в конечную победу. Во время вылазки казаки якобы видели *«мужа храбра и младова»* (ангела) *во одежде ратной», «побиваше» «множество бусурман».*

В целом можно сказать, что «Повесть» отличается патриотическим пафосом. Автор с гордостью говорит о том, что 5000 казаков сумели противостоять 300 000-тысячной турецкой армии. Казаки с презрением отвергают предложение о сдаче крепости и принимают бой. *«93 дни и 93 ночи»* длится осада.

Неожиданно для казаков в ночь на 26 сентября 1641 года (дата историческая) *«турские паши... со всеми своими силами побежали никем же гонимы с вечным позором».* Казаки пошли в брошенные *«таборы»* и захватили там несколько *«языков»*, которые и объяснили, что турки бежали из-под Азова, испугавшись страшного видения: *«Над нашими полки бусурманскими шла великая и страшная туча от Руси, от вашего царства Московского».* Перед тучею двигались два *«юноши»* и грозились мечами, обнаженными на *«полки бусурманские».* Характерно, что эти типичные для древнерусской литературы явления *«небесных сил»* автор повести искусно приурочивает к изображаемой обстановке. У него *«страшная туча»* с юношами приходит не с востока, как обычно в литературной традиции, а именно от *«царства Московского».* Это как бы намекает читателю на то, что Москве следовало поспешить на выручку осажденным.

«Азовское сидение» окончилось полной победой казаков. Но уцелевшие защитники Азова были все *«переранены».* На протяжении всего рассказа об азовской осаде автор всей силой своего публицистического и поэтического таланта славил героизм казаков, отстаивал их интересы в борьбе за Азов. «Поэтическая» повесть, как и подлинные войсковые отписки этого времени, заключается основной мыслью, определяющей ее идейное содержание и социальную функцию, — мыслью о необходимости присоединения Азова к Русскому государству. От лица всего казачества автор говорит: *«А топер мы Войском всем Донским государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всея России просим милости... чтобы велел у нас принять с рук наших свою государеву вотчину Азов град».* Сами же казаки, *«увечные»* и *«перераненные»*, собираются, по словам повести, *«приняти образ мнишеский»*, атамана своего сделать игуменом, а есаула — строителем казачьей *«лавры Предтечевой».*

«Поэтическая повесть» об Азове, очевидно, была написана в Москве зимой 1641–1642 годов, когда на Земском соборе шли ожесточенные споры по азовскому вопросу. Повесть возникла как агитационное произведение, имевшее своей основной целью вызвать сочувствие к героям-казакам у московских читателей, убедить их в необходимости присоединения Азова к Русскому государству.

В основу повести положен фактический материал, непосредственные наблюдения очевидца «осадного сидения». Правдивость и детальность передачи всех обстоятельств азовской осады в «Повести» полностью подтверждается мемуарами турецкого путешественника Эвлия-эфенди, находившегося под Азовом в свите турецкого главнокомандующего Дели-Гусейн паши,

свидетельствами очевидца осады астраханского стрельца Куземки Федорова и целым рядом русских исторических документов.

Форма войсковой казачьей отписки, избранная автором повести, была привычна для современников, и в то же время, в обстановке горячего интереса москвичей-читателей к событиям в далеком Азове, именно эта форма оказывалась наиболее убедительной, так как создавала впечатление живого, взволнованного рассказа самих казаков, героев осады, о пережитом ими. Фактический материал повести окрашивается в высшей степени лирически, в соответствии с напряженной драматической обстановкой, в которую поставлены были осажденные казаки. Отвага, мужество, воинская доблесть азовских героев рисуются почти в легендарных чертах. Казаки – подлинные донские «рыцари», бесстрашные, крепкие духом и телом «богатыри святорусские», проявляющие чудеса храбрости, небольшими силами упорно отстаивающие Азов. Величие и необычайность казачьего подвига определяют эпический склад самого повествования, сложившегося под влиянием народной песенной поэзии. Рисуя картину животного царства, автор повести использует типичные фольклорные эпитеты: «орлы сизыя» и «вороны черныя», «волцы серыя» и «лисицы бурья»; в лирическом прощании казаков упоминаются «леса темныя», «дубравы зеленыя», «поля чистые», «море синее», «реки быстрые». Трогательное прощальное обращение казаков к «тихому Дону Ивановичу», которого они величают своим «государем» и «атаманом», особенно характерно для донского фольклора.

Легендарная исключительность события диктует автору обращение к традиционным формам повествовательного воинского стиля с его сверхъестественными картинами батальной обстановки. Подчеркивание губительных опустошений, которые производит малочисленное казачье войско во вражеском лагере, изобилующем огромными силами, – характерный прием предшествующих воинских повестей. От них же идут и картины необычайного шума и грома, производимых неприятельскими трубами и барабанами, красочные описания сияющих, как небесные светила, доспехов воинов, уподобление битвы небесной грозе, жалобы осажденных на крайнее изнеможение и усталость, при которых ноги подгибаются, теряется голос и слух. К воинским повестям восходят и картины помощи казакам со стороны «небесных сил» то в виде двух юношей с обнаженными мечами или двух «младых мужиков» в белых ризах, то в образах двух старцев – Ивана Предтечи и Николы-чудотворца – или в образе «жены прекрасны и светлолепны» – Богородицы. Заступничество небесных сил обнаруживалось и в появлении слез на иконе Ивана Предтечи, которые наполнили церковную лампаду. Все эти традиционные литературные образы свидетельствуют о широкой начитанности автора повести.

Обращает на себя внимание совмещение торжественной архаической стилистики с живым просторечием, как это позже будет и в писаниях протопопа Аввакума. С одной стороны – традиционные патетически-восторженные фразы о величии и силе Московского государства, русского царя и православной веры, с другой – просторечные укоризны и выпады против московских бояр и дворян и особенно против турок, выпады, своей иронией и сарказмом предвосхищающие писательскую манеру того же Аввакума.

Автор повести, несомненно, принадлежал к демократической среде донского казачества. Есть все основания предполагать, что это произведение было написано одним из казаков, приехавших в 1641 году с посольством в Москву, – Федором Ивановым Порошиным. Будучи канцеляристом, а в прошлом – беглым холопом известного вельможи князя Одоевского Н.И., Порошин занимал на Дону положение войскового дьяка (начальника войсковой канцелярии). Подлинные отписки Порошина, одна из которых вызвала даже гнев царя своим чрезмерно настойчивым требованием оказания помощи казакам в борьбе за Азов, оказываются очень близкими к «Повести» и по содержанию и по стилю. После осады Порошин был выбран есаулом той станицы, которая отправилась в Москву к царю Михаилу для решения судьбы Азова. Здесь, в зимой 1641 – 1642 годов, в пору, когда заседал Земский собор и шли жаркие споры о том, удерживать ли захваченный казаками город, и была написана Порошиным «поэтическая повесть», отстаивающая мысль о необходимости закрепление Азова за Россией и обличавшая бояр и дворян, притеснявших казаков. Но литературная пропаганда Порошина оказалась безрезультатной: Азов был возвращен туркам, а Порошин, как упорный защитник планов, не нашедших себе поддержки у властей, сослан в Сибирь, очевидно, для того, чтобы по возвращении на Дон он не стал восстанавливать казаков против московского правительства.

4. «Повесть о Юлиании Лазаревской», написанная ее сыном Дружиной Осорьиним.

В XVII веке продолжается процесс обмирщения древнерусской литературы, который повлиял на такой традиционный духовный жанр – житие. Житийные каноны начинают разрушаться: в произведения вторгаются бытовые реалии, благодаря чему они превращаются в своеобразные бытовые повести.

В числе житий XVII века, явно отступающих от установившегося шаблона и стремящихся к заполнению изложения реальными биографическими фактами, наиболее значительное место занимает «Повесть о Юлиании Лазаревской» («Житие Юлиании Лазаревской»), созданная ее сыном Дружиной Осорьиним.

Осорьин Дружина, по крестному имени Каллистрат (ок. 1574 – ок. 1645) – городской дворянин из боярских детей, муромский губной староста в 1610 – 1640-х годах.

Героиней произведения становится Юлиания (Улиания) Устиновна Осорьина – муромская помещица, жившая в XVI веке (ум. 2.01.1604 года). С XVII века почиталась как местночтимая святая г. Муром. Получила по месту погребения в селе Лазаревском Муромского уезда имя «Юлиании Лазаревской». Сведений о том, была ли Юлиания канонизирована официально, нет.

Из заключающего произведение фрагмента следует, что житие было написано не ранее 1614 (1615) года, когда во время погребения сына Юлиании Георгия был обретен ее гроб с нетленными мощами, *«полн мира благовонна»*, от которого многие больные *«облехчение от различных недуз приимаху»*. Вероятнее всего, произведение было создано в 20-30 годы XVII века.

Житие» сочетает в себе черты агиографического произведения и биографии. По сути, оно представляет собой не столько житие, сколько повесть, даже своего рода семейную хронику, вышедшая из-под пера светского автора, хорошо знающего подробности биографии того лица, о котором он пишет, и любовно, без холодной, трафаретной риторики постороннего повествователя излагающего их в своем рассказе, где встречается также отражение бытового уклада и исторической эпохи, в которую жила Юлиания.

В то же время произведение не лишено традиционных агиографических элементов. Тяготение к агиографическому канону отчетливо прослеживается в композиционной структуре памятника. Повествование ведется по традиционной житийной канве: рождение героини от благочестивых родителей – праведная смерть и чудеса, совершающиеся после смерти святой. Автор говорит, что Юлиания родилась от *«боголюбивых»* и *«нищелюбивых»* родителей. Она выросла во всяком *«благоверши»*, *«от младых ногтей бога возлюби»*, *«от смеха и всякие игры отгребашеся»*. Добродетельное житие венчают честное преставление (причем, Юлиания, как и подобает святой, предчувствует свою кончину), последовавшее через 10 лет после смерти обретение нетленного тела и исцеления больных у гроба новой чудотворицы.

В житии, хотя и в очень небольшой степени, имеют место элементы чуда. Как и в предшествующих житиях, в качестве активно действующей силы в произведении выступает бес, насылающий на семью Юлиании тяжелые бедствия. Традиционным мотивом – кознями дьявола, объясняется в произведении открытый мятеж «рабов». Во время такого стихийно вспыхнувшего бунта был убит старший сын героини. Бесы дважды преследуют и пугают саму героиню и отступает лишь благодаря вмешательству и помощи святого Николы. Идеал жизни Юлиании в конечном счете – аскеза, которой она особенно предается после гибели своих сыновей: она отказывается от физической близости с мужем, постепенно усиливает пост, увеличивает пребывание в молитве и труде, спит на острых поленьях, кладет в сапоги ореховую скорлупу и острые черепки, наконец после смерти мужа перестает ходить в баню. Вместе с тем она проводит всю свою жизнь, с детства до смерти, в непрерывном труде и в попечении о благосостоянии и судьбе своих крепостных, которых кормит во время страшных голодных лет, отказывая себе и своей семье в самом необходимом, дойдя до полной нищеты. В пору своего богатства, материального изобилия она, полновластная госпожа, распорядительница участи своих «рабов», неизменно покровительствует своим «подданным». Она вступает за подвластных ей людей и оправдывает их даже тогда, когда они приносят ей большие огорчения, и этим заступничеством вызывает упреки мужа и его родни, вообще живущих с ней в мире и в любви. Отличаясь необыкновенной кротостью и смирением Юлиания отказывается от обычных услуг, какими пользуется в своем доме госпожа со стороны слуг, не позволяет, например, снимать с себя обувь, а делает это сама. Деликатность и душевная чуткость Юлиании сказываются и в такой детали: устраивая по субботам и по воскресеньям в своем доме трапезу для духовенства, вдов, сирот и своих домочадцев, она выпивает одну чарку вина не потому, что она, преданная аскетической жизни, любит спиртное, а для того, чтобы не обидеть гостей.

В то же время старая житийная схема наполняется в произведении Осорьина новым содержанием; происходит, как отмечает Боева Л., «взрыв жанра изнутри». Ореолом святости

наделяет обычная женщина. Ее идеализация осуществляется наперекор традициям житийного канона. Героиня не возносится над бытом, а, напротив, погружается в него, изображается в обыденных делах и ситуациях: в ведении *«домовного хозяйства»*, в отношениях с мужем и его родителями, детьми и слугами. Сразу же после выхода замуж на плечи юной Юлиании ложится ведение сложного хозяйства дворянского поместья. Угождая свекру, свекрови и золовкам, он следит за работой холопов, за ведением домашнего хозяйства. На долю Юлиании выпадают разные невзгоды. Дважды приходится ей пережить страшные голодные годы: в молодости и в старости, когда Юлиания была вынуждена даже отпустить своих «рабов», чтобы они сами добывали себе пропитание.

Повесть правдиво изображает положение замужней женщины в большой дворянской семье, ее бесправие и многочисленные обязанности. Самое существенное для Юлиании, как житийной героини нового типа, то, что она ведет благочестивую жизнь, подвизаясь не в монастыре, а в миру, в обстановке бытовых забот и житейских хлопот, которые возлагаются на нее обязанностями жены, матери тринадцати детей и госпожи, имеющей большое и сложное хозяйство. Традиционная биография святого, с детства подпадающего под исключительное влияние церкви, не характерна для Юлиании: на первых порах, до самого замужества, она из-за дальности расстояния не бывала в церкви и, таким образом, значительное время жила вне ее прямого воздействия. Но и после, по болезни и опять же из-за дальности расстояния, она на долгое время перестает посещать церковь, утешая себя тем, что *«пользует и домовная молитва»*. После гибели двух своих сыновей она пыталась уговорить мужа разрешить ей удалиться в монастырь. Но, была убеждена его доводами о том, что *«не спасут нас ризы чёрные, если не по-монашески живем, и не погубят ризы белые, если богоугодное творим»* и осталась в миру, отказавшись лишь от плотского сожителства с мужем. Даже перед смертью Юлиания не принимает монашества, как это сделали, например, Петр и Феврония и как делали другие святые, фигурирующие в житиях.

Главные добродетели Юлиании, которые постоянно подчеркиваются автором и расцениваются им как подвиги благочестия – трудолюбие (*«по вся нощи без сна пребываше, в молбах и в рукоделии, и в прядиве, и в пяличных делах»*) и сострадание (*«вдовами и сиротами аки истовая мати печашеся»*). Юлиания помогает голодающим, ухаживает за больными во время *«мора»*, творя *«милостьню безмерну»*, она не оставляет у себя *«ни единой сребреницы»*. Суть подвижничества Юлиании заключается в той *«любви нелицемерной»* к ближнему, которую она проповедовала всю жизнь.

Повесть утверждает святость подвига высоконравственной мирской жизни, служения людям. Вообще через все житие в качестве основного положения проводится мысль о том, что возможно достичь спасения и даже святости, не затворяясь в монастыре, а благочестиво, в труде и самоотверженной любви к людям, живя жизнью мирянина. Тут в известной мере сказалось, видимо, то, что автор жития был выходцем из общественной среды, которая некогда пополняла ряды заволжских старцев, отрицавших внешнее богопочитание и самодовлеющий, формальный монашеский уклад жизни.

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли Осорьину создать живой и притягательный, психологически достоверный образ. Традиционно-житийные ситуации под пером очевидца получают порой идущие вразрез с этикетными нормами реалистическое толкование. Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили «Житие» элементами психологизма и художественными деталями. Написанное на конкретном историко-бытовом материале произведение запечатлело исторические реалии жизни русского поместного дворянства 2-ой половины XVI века. В «Житии» названы имена реальных исторических лиц: венчавшего Юлианию священника Потапия, позднее – архимандрита Муромского Спасского монастыря (монашеское имя – Пимен), предков и родственников героини: Недюревых, Лукиных, Дубенских, Араповых. В «Житии» нашли отражение современные автору социально-экономические явления (отношения между родителями и детьми, челядью и землевладельцами) и исторические события эпохи («великий голод» в период правления Бориса Годунова). Само произведение по праву называется учеными первой в истории древнерусской литературы биографией женщины-дворянки.

Обращение к новому герою, частному лицу, необычному именно своей «обычностью», было проявлением развития литературного процесса XVII века, важнейшим достижением которого явилось, по словам Лихачева Д.С. «открытие характера».

О популярности «Жития» в читательских кругах свидетельствует его широкое распространение в рукописях. В настоящее время известно более 50 списков XVII – XIX веков.

Существует 3 редакции произведения: краткая, пространная и сводная (она известна в одном списке). Пространная редакция снабжена риторическим вступлением (или послесловием – во 2-ом варианте) и распространена в основном цитатами из священного писания. В ней особенно акцентирована мысль о возможности «спасения в миру» – в семье и деятельной любви.

5. Книжное стихотворство начала XVII века. Досиллабические вирши.

Одним из важных явлений русской литературы XVII века стало появление и развитие поэзии.

До появления письменного стихотворства в XVII веке на Руси существовали:

- «свободный стих» церковных песнопений («молитвословный стих»);
- промежуточный между тоникой и силлабо-тоникой песенный стих (народный стих, которым создавались былины, исторические и лирические песни);
- чисто тонический говорной стих (иногда его называют «скоморошьим»).

Вопрос об истоках и причинах возникновения книжной поэзии занимал многих исследователей. Еще в XIX веке сложилось две противоположных точки зрения. Соболевский А.И. считал, что силлабические стихи – вирши (от лат. *versus* – стих) возникли под влиянием украинской и польской поэзии. Майков Л.Н. утверждал, что «первые опыты рифмованных стихов явились, так сказать, сами собою и, во всяком случае, не как подражание западноевропейским силлабическим стихам с рифмами». В настоящее время ученые считают, что необходимо учитывать влияние обоих вышеуказанных факторов.

Говорной (декламационный) стих, перейдя в письменную литературу, лег в основу досиллабических стихов XVII века. Кроме того, русскими стихотворцами был использован опыт фольклора и украинско-польской силлабической поэзии.

Возникновение книжной поэзии относится к первой трети XVII века и связано с усилением роли городов в культурной жизни страны и стремлением передовых слоев русского общества освоить достижения европейской культуры. Кроме того, по мнению Панченко А.М., на становление книжной поэзии повлияло ослабление роли фольклора.

Рассматривая повествовательную литературу о «смуте», ученые отмечают, как довольно частое явление, уснащение в нескольких повестях этой эпохи прозаической речи неравносложными рифмующимися строками с глагольными окончаниями. Этот прием не был, однако, чем-либо принципиально новым. Он использовался уже в ряде памятников русской литературы, начиная еще с XI века («Слово о законе и благодати», «Повесть о разорении Рязани Батыем» и др.). Необычна была лишь интенсивность его применения, и уже действительной новостью было включение в прозаическое «Сказание» Авраамия Палицына в двух главах многострочных неравносложных виршей не только с глагольными рифмами, но и с рифмовкой существительных и прилагательных. Еще большей новостью явилось замыкание «Летописной книги», приписываемой Катыреву-Ростовскому, такими же по типу, как и у Авраамия Палицына, виршами, кстати сказать, здесь впервые так и названными («Начало виршем, мятежным вещем...»).

Интересным образцом использования фольклорного стиля рифмованных поговорок, присловий и прибауток является «Послание дворянина к дворянину», написанное от имени тульского дворянина Ивана Фуникова. «Послание», очевидно, было создано после подавления восстания Болотникова весной 1608 года. В произведении с юмором говорится о том, как во время восстания герой оказался во власти восставших крестьян: «Седел 19 недель, / а вон из тюрьмы глядел. / А мужики, что ляхи, / дважды приводили к плахе, / за старые шашни / грозили скинуть с башни, / а на пытках а пытаются, / а правды не знают. / правду де скажи, / а ничего не солжи. / А яз им божился / и с ног свалился / и на бок ложился: / не много у меня ржи / нет во мне лжи...». Выйдя из тюрьмы, Фуников попал в полную нищету: «...В земле не сеяно ни горстки / всего у меня было живота корова, / да и та нездорова; / видит бог, / сломило рог...».

Приблизительно тогда же, когда Авраамий Палицын и автор «Летописной книги», то есть около первой четверти XVII века, в качестве виршеписцев выступают:

– князь Семен Иванович Шаховской, автор послания «К некоему другу», заканчивающегося виршами в 26 строк (с большой долей вероятности Шаховскому можно приписать также обширное стихотворное послание предположительно князю Пожарскому Д. М.);

– священник Иван Наседка, написавший большое полемическое сочинение «Изложение на люторы», прозаическое изложение которого также заканчивается виршами;

– монах Антоний Подольский, которому приписывается длинное «Послание к некоему», заключающее в себе свыше 600 стихотворных строк;

– князь Иван Андреевич Хворостинин, наиболее плодовитый автор, прославившийся своим религиозным свободомыслием, обвинявшийся в еретичестве, в пренебрежении к православной вере, к постам и к прочим церковным установлениям, а также в приверженности к латинянам. При обыске у него нашли написанные им «*про всяких людей Московского государства многия укоризны*», в том числе за то, что «*московские люди сеют землю рожью, а живут будто все ложью...и иные многие укоризненные слова писаны на виршь*». За свое свободомыслие и за вызывающее поведение Хворостинин дважды поплатился монастырской ссылкой. Во время второй ссылки, в 1622 – 1623 годах, в Кирилло-Белозерский монастырь он «остепенился», «пришел в разум», порвал со своим еретичеством и, прощенный, был возвращен в Москву, где вскоре, в 1625 году, умер, незадолго перед тем постригшись в монахи Троице-Сергиева монастыря. В последние годы своей жизни он, чтобы искупить перед духовной и светской властью свое прошлое, написал несколько полемических сочинений против еретиков, в том числе «Предисловие изложено двоестрочным согласием, краестиховие по буквам» – стихотворный трактат более чем в тысячу строк. Начинается он так:

*Красны повести благоверных
Нечестия посрамляют зловерных.
Яко светлостню сияет звезда,
За благоверие дается святым многая мзда.
Яко явственне православнии сие внимали
И в божественне закон церковный принимали,
Началы богоподобными изрядно сияли,
Аки непобедимья во благочестии стояли.
Красныя зело имуща словеса,
Нсложны бо их светолепныя чудеса...*

В отличие от позднейшего русского силлабического стихотворства, стремящегося к соблюдению равносложности строк в отдельных стихотворениях, пользующегося одной лишь женской рифмой и выдерживающего цезуру в стихе, стихотворство досиллабическое не знало ни равносложности строк, ни цезуры. Говорной стих характеризовался произвольным количеством слогов в строке и смежной рифмовкой (рифмы могла быть женскими, мужскими, дактилическими и даже гипердактилическими, нередко заменялись ассонансами и консонансами).

Приведенные образцы раннего русского виршевого творчества – на темы повествовательного характера и полемические – все связаны с определенными писательскими именами, принадлежавшими к социальным верхам московского общества. В дальнейшем досиллабические вирши, просуществовавшие в течение всего XVII века и даже зашедшие в начало XVIII века, когда силлабика давно уже была усвоена вышестоящими культурными слоями, значительно расширили свою тематику, вплоть до любовной, и вошли в обиход широких социальных слоев. Так, досиллабическими виршами в XVII веке написан ряд переложений молитв и хвалебных религиозных песен. Такими виршами тогда же написан весь «Торжественник», находящийся в одном из сборников, принадлежавших московскому Чудову монастырю. В другом рукописном сборнике XVII века идет «Повесть о высокоумном хмелю», в которой встречается следующая стихотворная похвальба хмеля:

*Аще содружитца со мною властелин,
И он будет аки глупый поселянин.
Аще содружитца со мною власть.
Тогда постигнет его вскоре великая напасть.
Аще содружитца со мною игумен,
Ходить начнет с сумою меж гумен.
Аще содружитца со мною протопоп,
И он будет глупый пустопоп.
Аще содружитца со мною поп,
И он будет аки кабацкой кот.
Аще содружитца со мною чернец,
И он будет аки верченой жеребец...*

В одной из рукописей XVII века вслед за «Повестью о высокоумном хмелю» помещено стихотворное «Слово о ленивых и сонливых и упиянчивых»:

*О чадо мое любимое!
Рассмотряйтесь и разумеите истину.*

*Не долго спите, не долго лежите,
Якожь многожды спати имама без меры.
Добра не добыти, а лиха не избыти,
А славы добрые не получитьи
А красные ризы не носити,
А медвяны чаши не испивати,
А своего хлеба не едати,
А богу и князю милу не бывати,
А сладости не видати...*

В рукописи, в которой найдена «Повесть о Горе и Злочастии», находится похвала розге, также написанная досиллабическими виршами:

*Розгою дух снятый детище бити велит,
Розга убо мало здравия вредит.
Розга разум во главу детем погоняет.
Учит молитве и злых убо всех стрезает.
Розга родителем послушны дети творит,
Розга божественного писания учит.
Розга, аще убиемо, но не ломит кости, –
Детище оставляет всякие злости...
Благослови, боже, оныя леса,
Яже розги родят на долгия времена!*

Сходным стихом написаны сатирическое «Сказание о попе Саве и его славе», стихотворные обработки «Повести о куре и лисице» и многие надписи к лубочным картинкам XVIII веков.

Наряду с произведениями виршевого творчества в XVII веке существовала форма песенного стиха, представленная такими образцами, как «Повесть о Горе и Злочастии», песни из эпохи «смуты», записанные в 1619 году в Москве для английского бакалавра Ричарда Джемса, и песни Квашнина П.А., написанные около 1681 года.

Среди шести песен, записанных для Ричарда Джемса, особенное внимание обращают две – о царевне Ксении Годуновой и о смерти Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

В первой песне передан плач Ксении, лишившейся своих родителей и бывшей под угрозой стать жертвой Самозванца:

*Сплачетца мала птичка,
Белая пелеплка:
– Ох ти мне, молоды, горевати.
Хотят сырой дуб зажигати,
Моё гнёздышко разоритн,
Мои малые дети побити,
Меня, пелепёлку, поимати.
Сплачетца на Москве царевна:
– Ох ти мне молоды, горевати,
Что едет к Москве изменник,
Ино Гриша Отрепьев рострига,
Что хочет меня полонити,
А, полонив меня, хочет постричи,
Чернеческой чин наложити ... и т.д.*

Во второй песне говорится о том впечатлении, какое произвела смерть М.В. Скопина-Шуйского на торговых московских людей:

*Ино что у нас в Москве учинилося:
С полуночи у нас в колокол звонили.
А расплачютца гости-москвичи:
– А тепере наши головы загибли,
Что не стало у нас воеводы,
Васильевича князя Михаила!
А съезжались князи-бояря супротиво к ним,
Мьстиславской князь, Воротынской,
И между собою они слово говорили.
А говорили слово, усмехнулись:*

– *Высоко сокол поднялся*
И о сыру материю землю ушибся! ... и т.п.

В обеих этих песнях, как и в других текстах, записанных для Ричарда Джемса, традиции устной песни сочетаются с книжным стихотворством, особенно дающим себя знать в глагольных рифмах.

Книжные элементы ещё явственнее выступают в записях Квашнина, как, например, в следующей песне:

Свет – моя милая, дорогая
Не дала мне на себе нагледетца,
На хорошей, прекрасной лик насмотретца.
Пойду ли я в чисто поле гуляти,
Найду ли мастера-живописца
И велю списать образ ей на бумаге хорошей,
Прекрасной лик на персоне поставлю
Я во светлую светлицу...

Наряду с досиллабическими виршами и песенными стихами в первой половине XVII века появляются силлабические стихи, пишутся даже целые сборники. Один из таких сборников включает стихотворения «справщиков» Печатного двора с довольно разнообразной тематикой. Силлабические книжные песни создаются в начале 50-х годов поэтами никоновской школы. Среди этих поэтов выделяется Герман, проявивший особую виртуозность в разработке акростиха, который можно читать слева направо и наоборот, снизу вверх и сверху вниз.

В целом можно сказать, что в первой половине XVII века русская поэзия делает только первые шаги. Ее развитие идет в нескольких направлениях: с одной стороны, русскими виршетворцами используется опыт фольклора, с другой – украинско-польской силлабической поэзии.